

Глава 11. Псу скормишь, а мне не дашь

—
Когда они перевезли всю черепицу в лавку, разгрузили её и аккуратно сложили стопками у стены, уже начало смеркаться.

Задние ворота гостиницы выходили в жилой переулок. В этот час над крышами струился дымок, а из домов тех, кто принялся за готовку пораньше, доносились аппетитные запахи.

Шужуй перевернул скошенную днем траву, чтобы она просохла равномерно. Живот предательски заурчал, и он позвал Лу Лина возвращаться в их временное пристанище.

К вечеру Шужуй чувствовал сильную усталость и не планировал снова одалживать очаг, чтобы готовить самому. Он заглянул на кухню лишь за горячей водой, где как раз застал хозяйку заведения.

Это была весьма дородная женщина с пухлыми губами, густо накрашенными яркой, броской помадой.

Еще не переступив порог кухни, Шужуй услышал доносящиеся оттуда крики: «Дрянной гер! Еще раз найдешь повод заговорить с хозяином, будешь глазки строить — я тебе всё лицо исцарапаю!»

Войдя внутрь, он услышал продолжение тирады:

— Лентяй несчастный! Платят тебе огромные деньги, а ты мало того что работаешь спустя рукава, так еще и руки у тебя нечистые — только и думаешь, как бы пожить за счет заведения! Сегодня пучок овощей утащил, завтра миску супа вынесешь... Ты что, думаешь, я тут благотворительный склад для беженцев открыла? С твоими аппетитами и помещичий дом по миру пойдет!

Полная женщина, подперев бок рукой, яростно распекала Цин-гера — того самого слугу, что днем помогал Шужую с огнем. Гер стоял с красными от слез глазами, не смея оправдываться, и только успевал утирать лицо рукавом.

Рядом стояла женщина лет сорока с лишним (та самая повариха Ван) и с безучастным видом помешивала что-то в котле, будто эта сцена была для неё привычным делом.

Шужуй решительно шагнул вперед. Он не до конца понимал суть претензий хозяйки, но молчать не стал:

— Надо же, как на кухне оживленно. Неужто ужин уже готов?

Увидев Шужуя, Цин-гер осмелел и тихо проговорил:

— Я правда не брал еду с кухни. Это гость днем готовил и угостил меня миской супа. Можете у него спросить.

Шужуй тут же догадался, в чем дело, и миролюбиво произнес:

— Похоже, вышло какое-то недоразумение? Я готов всё объяснить почтенной хозяйке.

Толстуха смерила Шужуя холодным взглядом с ног до головы и буркнула:

— Нет тут никаких недоразумений. Слуга работает нерадиво, вот я его и поучаю.

Видя, что хозяйка не желает слушать объяснений и лишь тешит свой властный нрав, Шужуй отметил про себя её самодурство.

— Ошибки прощать нельзя, это верно. Но порой случаются и простые ошибки, — спокойно продолжал он. — Если во всем разобраться, можно избежать горьких слов, которые ранят сердце.

Хозяйка, решив, что этот невзрачный гер намеренно лезет на рожон, защищая слугу, прищурила свои маленькие глазки-щелочки и ядовито процедила:

— Что же, гер решил в миротворцы записаться? Или снова пришел очаг просить?

Она окинула его презрительным взглядом:

— Выглядишь таким бережливым, сам готовить любишь. Как бы люди не подумали, что ты просто любитель наживы — бесплатно и дрова жжешь, и соль с соусом тратишь.

У Шужуя екнуло сердце. Ингредиенты он покупал сам, специи у него тоже были свои — из тех, что прихватил из дома. По сути, он использовал только котел и пару поленьев. К тому же он заранее спросил разрешения, и если бы ему отказали, он бы и не подумал настаивать. Эта женщина явно нарывалась на грубость.

Шужуй не остался в долгу и ответил колкостью на колкость:

— Не думаю, что в приличном месте найдутся столь мелочные люди. Перед тем как заселиться, я специально спросил, можно ли пользоваться кухней. И спрашивал я, помнится, у того бледнолицего молодого человека с миндалевидными глазами, что сидит за прилавком со счетами.

Он сделал паузу и добавил:

— Он представился хозяином лавки. Полагаю, его слово имеет вес. Или в этом заведении кто-то другой мнит себя главным и распоряжается чужим именем?

Лицо толстухи перекопилось, она не нашлась, что ответить и лишь проворчала:

— Гер не знает, что дрова нынче дороги, цена на них растет каждый день.

Шужуй, не сводя с неё глаз, отрезал:

— Так разрешено здесь пользоваться кухней или нет? Я хочу получить четкий ответ, чтобы понимать, как ведется бизнес в этом месте. А когда съеду, у меня будет что рассказать людям о ваших порядках.

Хозяйка, привыкшая помыкать робкими и тихими, не ожидала встретить такой твердый отпор от щуплого на вид юноши. Она на мгновение осеклась, не желая продолжать спор, но и отступить было унижительно для её достоинства. Она застыла, выпятив грудь.

Ситуацию спасла повариха Ван. Видя, что дело принимает дурной оборот, она примирительно вставила:

— Гер, пользуйтесь, если хотите. Хозяйка ведь не говорила, что нельзя. Просто она, как

главная, должна за всем приглядывать.

Шужуй холодно усмехнулся. Игнорируя повариху, он продолжал сверлить взглядом хозяйку:

— И всё же, я жду подтверждения от самой хозяйки.

Та, раздуваясь от гнева, уже готова была сорваться на крик. Она привыкла запугивать слабых, и то, что какой-то молодой и неопытный гер смеет ставить ей условия, приводило её в бешенство.

— Ты, мелкий сопляк! На чужой территории еще смеешь вести себя так высокомерно?! Да я тебя... — начала было она.

Но договорить не успела. В дверях показался Лу Лин. В руках он сжимал свой длинный меч. С холодным, непроницаемым лицом он подошел к точильному камню в углу двора и принялся с лязгом водить лезвием по камню. Его рука лежала на рукояти, а ледяной взгляд был прикован... к шее хозяйки.

Женщина так и замерла с открытым ртом. Её прошиб холодный пот, будто среди лета на неё дунул морозный ветер зимнего месяца.

— Да я... я же говорю, я человек покладистый! — пролепетала она. — Пусть гер пользуется кухней сколько душе угодно. Я... я пойду, дел на улице много накопилось...

С этими словами она, буквально вжимаясь в стену, бочком выскользнула из кухни и припустила прочь.

Лу Лин поднял тряпку, вытер клинок и победно вскинул бровь, глядя на Шужуя. Заметив перепуганную до икоты повариху Ван и Цин-гера, который от шока даже плакать перестал, он так же молча скрылся в сумерках.

Шужуй вздохнул, подумав про себя: «Острое слово — хорошо, а острый меч — надежнее».

Придя в себя, он подошел к Цин-геру, достал платок и вытер слезы с его лица:

— Из-за меня тебе досталось. Ты как, в порядке?

Повариха Ван, воспользовавшись тем, что суп готов, поспешила разлить его по мискам и унести постояльцам наверх, оставив их одних.

Цин-гер покачал головой:

— Это не твоя вина. Если она хочет сорваться, она всегда найдет повод. И дело не только в тарелке супа. Спасибо, что заступился за меня.

Затем он попытался улыбнуться:

— Шао-гер такой смелый! Она всегда такая высокомерная, все слуги её до смерти боятся, а ты не испугался и даже спорил с ней.

— Если будешь бояться, она будет тиранить тебя еще больше, — ответил Шужуй. — Хоть ты и работаешь на неё за деньги, ты честно трудишься, а не милостыню просишь. Ты не раб, проданный в этот дом, ты — свободный человек, такой же, как она. Делай свое дело на совесть, и бояться тебе нечего. Если кто-то ведет себя несправедливо — это его вина, а не твоя.

Цин-гер шмыгнул носом:

— Спасибо за эти слова.

Шужуй улыбнулся. Он понимал, что характер не меняется за один вечер и пара слов не сделают мальчика воином. Чтобы сменить тему и подбодрить его, он спросил, что сегодня дают на ужин.

Цин-гер перечислил несколько блюд, и Шужуй заказал две миски супа с клецками из мелкой рыбешки — это было недорого.

— Мы сегодня много черепицы перетаскали. Принеси чуть позже мне и моему брату по ведру горячей воды в комнаты. Запиши всё на наш счет.

Цин-гер охотно согласился и, придвинувшись ближе, прошептал:

— Когда она уйдет, я принесу лишнее ведро, чтобы ты мог помыться с комфортом.

Шужуй с улыбкой поблагодарил его.

Выйдя в общий зал, он увидел Лу Лина — тот сидел на их привычном месте у окна и ждал его. Увидев Шужуя, он заметно расслабился:

— Что заказал?

— Суп с клецками. И попросил принести горячей воды в комнаты, — ответил Шужуй.

— Не нужно.

— Мы весь день в пыли и поту. Если не помоешься, завтра от тебя за версту разить будет.

Шужуй посмотрел на красивое, холодное лицо Лу Лина и добавил:

— Каким бы красавцем ни был мужчина, если он не любит чистоту — всё впустую.

Лу Лин в упор посмотрел на Шужуя:

— Я имел в виду, что могу помыться и холодной водой. Я не говорил, что не люблю мыться.

Шужуй уже хотел рассмеяться, но тут официант принес две дымящиеся миски супа. Оба были голодны, поэтому, не сговариваясь, они оставили события на кухне в прошлом и взялись за ложки.

Стоило Шужую отправить в рот первую порцию, как его брови поползли вверх. У супа был резкий рыбный запах, а сами клецки разваливались в жижу. Шужуй заподозрил, что рыба была несвежей — скорее всего, хозяйка купила её за бесценок, когда та уже уснула навеки. Судя по её характеру, это было вполне в её духе.

Кое-как одолев полмиски, Шужуй сдался. Он отложил ложку и достал платок.

— Не будешь доедать? — Лу Лин поднял взгляд от своей миски.

— Вкус какой-то странный, не лезет больше. Ничего, за один вечер не оголодаю.

Лу Лин ничего не ответил. Ему вкус тоже не нравился — небо и земля по сравнению с тем, что Шужуй готовил днем. Но, к удивлению Шужуя, он не только не бросил есть, а, напротив, придвинул к себе его недоеденную миску и перелил остатки в свою.

Шужуй округлил глаза. Не успел он и слова вымолвить, как Лу Лин уже вовсю уплетал «добавку».

— Ты... ты зачем мои объедки доедаешь?! Совсем стыд потерял!

Сказав это, Шужуй понял, что крикнул слишком громко. Словно воришка, он воровато огляделся по сторонам. Убедившись, что никто не смотрит, он немного успокоился, хотя кончики ушей всё еще пылали:

— Если не наелся, я бы тебе еще одну миску заказал!

— Не хочу, — Лу Лин нахмурился и скривился. — Невкусно.

— Если невкусно, зачем тогда моё доедаешь?!

— Жалко выбрасывать. Этого мне хватит.

Шужуй, который только что был возмущен, невольно коснулся кончика носа. В пути приходится затягивать пояса, а он, видать, слишком привык к хорошей еде — разбаловался.

— Ладно... В следующий раз постараюсь доедать всё сам. Ты только не ешь за мной больше.

Лу Лин поднял на него глаза:

— А что делать, если останется?

— Вынесем и отдадим собакам, — отрезал Шужуй. — Я видел на улице бродячих псов, одни кости да кожа.

Лу Лин нахмурился, и в его голове явно сложилась какая-то своя, странная логика:

— То есть псу скормишь, а мне не дашь?

— ?

Видя, что Шужуй молчит, Лу Лин резко встал, подхватил свою миску и с мрачным лицом пересел за соседний стол, подальше от него, чтобы закончить трапезу в одиночестве.

Шужуй:

Он посмотрел на сгорбленную спину Лу Лина, который, подобно огромному обиженному коту, яростно работал ложкой. Шужуй снова коснулся носа и с пылающим лицом поспешил скрыться в своей комнате, чтобы умыться.

—